

ОТ
МАМЫ

НА
ПЯТЬ
МИНУТ

Scriptorium

**Борис Земенков
Александр Краевский
Вадим Шершеневич**

ОТ МАМЫ НА ПЯТЬ МИНУТ

Salamandra P.V.V.

Земенков Б. С., Краевский А., Шершеневич В. Г.

От мамы на пять минут. Ред. Б. Земенков. «Фаршированные манжеты». Холодно. XX-ый век. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 34 с., илл. — (Scriptorium).

В данном выпуске серии «Scriptorium» — переиздание редкого поэтического сборника «От мамы на пять минут» (1920), объединившего экспрессионистов в лице художника и поэта Б. Земенкова и имажинистов В. Шершеневича и А. Краевского.

**ОТ МАМЫ
НА
ПЯТЬ МИНУТ**

Борис **ЗЕМЕНКОВ**

Александр **КРАЕВСКИЙ**
Вадим **ШЕРШЕНЕВИЧ**

От мамы на пять минут.

Редактор Б. ЗЕМЕНКОВ.

„ФАРШИРОВАННЫЕ МАНЖЕТЫ“
ХОЛОДНО
XX-й ВЕК.

Борис Земенков: С К Р И П.

Стихи экспрессиониста.

Борис ЗЕМЕНКОВ.

ХОХОТЫ.

Есть хохоты, хехоты, хахоты.
Есть угрюмые низколобые хухуты.
Переваливаются — щеки, как под плугом пахота,
И прыгают морщинки, как ребенок в дне тахты.

Щеки глаз засыпает щек пюре,
А потом в стены: хахаются и хихаются.
Если есть усы, то как пьяный кюре,
Над канавой рта барахтаются.

Есть такие, как черствые корки.
Пережевывают серые губы,
Смущенно подбирая морщинок сборки
Прямо под пляшущие открытки — зубы.

Есть гудят тела, как сплошные самовары.
Есть падают в слезливом бульоне зрачков майские жуки.
Плавают зрачки, как кусочки сала в густом наваре,
Ресниц бичевками, подтягивая кверху синеватые мешки.

Прыгает на стол для отдельного танца. Десна это.
В комнате один бродящий квас
И всякий стоящий за дверью знает,
Что долго еще расплываются спасательные круги глаз.

V — 1919.

ЧЕПУХА.

Ирине — она знает про что.

В черном студне известь и лужа,
И вот уже трет твое грудь бедро.
Антикварий на улицу вышел Ужас,
Как лавой живое присутствием дрожь.

И вот уже чудится полачам.
Хрипа и треска спор. Мышь
Под резцами демониста холода
Пальцы вытопились в богряные формы.

И если высосется сейчас электричество
Лучше заранее очи режь,
Потому-что галюцинаций такое количество,
Что они становятся в очередь.

В голове от газет . . . Деникин, Махно . . .
А шкаф на живот надвигает твой зад;
А дальше . . . дальше между моих ног
Выплыли твои удушливые глаза.

Подняли со стен холсты давно гам:
Лишь сердце четко, как Ундервуд.
Дай тебе Господи, но только лишь по ночам,
Скользил чтоб налитый кровью уд.

Конечно у тела твоего есть взятка,
Потом слеplено два тела в ком один.
У меня дома кошмар лихорадку
Прессовался в углах, говорил один на один.

Схватил себя обезумев под мышки,
Нес,
Л сзади шум ночи ворчал и припрыгивал,
И крепко держали капканы одышки,
И улицы к двери отбрасывал прыги вал.

Душа не глуха, но часов глухарь
В току мазал: ужасы? пусть себе!
Я, прикрывшийся бромом, испуганно шептал:
Чепуха!

Слыша, как долговязый разсвет гонится за кем-то по улице.

И так как из зрачка язык твой не шел,
Разворачивая без боли слизь,
Утром я себя нашел
Обсасывающим портьеры кисть.

Осень 1919 г.

3.

В Джив'атму 18ти летних
арлекинад, вызовов и дружбы:
Александру КРАЕВСКОМУ.

Щекотку-ли ветру хотелось в хвосте пить,
Иль пятна уключин в море выместь.
Но сквозь эскадроны и так-же сквозь степи,
По трубам раскрикнул: Вы месь! Вы месь!.

Перемолота шпорами кожа в кровь;
Зеленью кроет-луна паркет-страх.
Лица кроет; и роет; как крот,
Ветер звук оркестра;

Там по горам лам Вам не дам
Сердце спасти от любви и от дам.
—Лампа — махат. Конус и плат —
Дни только скат и Ваш атма — кастрат.

Цоканьем цикают цинк и рысца.
С эстрады всего лишь стекло ел,
А тут хлорэтилом льют на сердца
И строят сомкнутым строем.

Так резцы гони с чела!
Нужно-ль попури шить?
Коль, не быть тебе чела,
Коль не встретишь риши

1919 — х11 — 11
ДИКАЯ ДИВИЗИЯ

4.

Причина?

Паравоз вихра терял!
Вчера мы питались тайной.
Сегодня любимая выкрадена
Белогвардейской Украиной.

С покоем нервик каждый простись.
Коли балкон лишь стремя,
Что-бы глазами туда снести,
Где воском, как будто в костре, мяк.

Четкий чик часов Кремля
Напоминал о путях
Новые боли свои щема,
Греюсь у лилипута.

И знаю что ужасом грызла мне глаз
Ни тебе, ни Саше не выскажу.
Для меня одного то ночь берегла.
Близко, близко, близко жуть.

Ах. это будет тайна рам.
Самообладание — победа Пирова.
Я, изучающий Штейнера,
Галюцинировал.

I-192o

5

Синяя, синяя в газе луны!
В строки плененные язвы.
Не можно, не можно по теплу ныть
В провинцию скрыты раз Вы.

И когда сосали, сосали штыки новь
Ваших все кто-то губ бэзэ ел,
А мне сверкнувшее раз кино
Стало во всем «Колизеем.»

Солнце, солнце, тенями крапя,
Колышит гранитную тушу,
А шопот из асфальта пекла пят:
Влюбился, влюбился в ту шут!

Обернулся, знаю огонь кем.
Строк лезвие кроет ржа.
Мчусь на одном коньке я
И не могу сдержать.

И воздух, и вздуты зуды в паху;
Хатха-иогой хоть
Для кастрированья выстроить плаху
Вечер до того плох.

II-I-1920

6.

Угадавшему во мне меня.
Ф. ЖИЦУ.

А из глаз уходят сонные швейцары.
Б. З.

В поступи мягкой жгута заката
Внимание равняешь жести,
Но пыль на зрачках пока там
Шумит и волнует жест их.

Чудно ли толпа от деревьев ли ступ,
Иль то, что замотан чуб твой?
Но бьется мухой на клейком листу
В бульвар не бульварное чувство.

И клеют они так много ос к «Вы»
Что в имени им: Ирина —
И то, что отплывшая я от Москвы
Последняя чистая льдина.

И даже звук резко сдвинутых рук
Аплодисменты, цветы лишь дротики,
Потому, что в рыжем октябрьском пиру
Я случайный гость из готики.

И говорят лошадиных мне искры пят
О чувственности каждого хлопка нам.
Заячьей ногой углы скрипят
Из для крупного зверя капкана.

1920-7-21.

7.

[экспрессионистическое.]

Старушки на мятой бумаге клубки из шерсти,
Из черной шерсти выковываются чулки;
Чтобы холода белый ЕР стих.
Чтоб из хода ушли щипки.

Мне вот язык каждого листа
Откроется посредством холода,
А они отданы коричневым Христам
В напряженной оправе золота.

Я не буду совсем говорить о нелепости:
Беречься от холода, венчать досуг
Только кажется корректировал Эдгард По стих,
Только кажется белое жег утюг.

Так с'еженные руки и дух
Тают трудолюбиво сажу.
Ну, конечно я имею в виду,
Что серые спицы ведут всю пряжу.

XX-й век. — 11-5

Стих. имажин.

Александр КРАЕВСКИЙ.

1.

Рукою жадной гладить груди
И чувствовать уж близкий крик, —
И думать трудно как о чуде
О новой рифме в этот миг.

Вадим Шершеневич.

И ламп с ветки еловой шаги обсыпались
К ногам, к ногам контролеров взглядов.
Из арк пальцев пироги рук выбрались,
А гудки автомобильные гудели полетами снарядов.

Леденцом во рту, смех невольно таял
Ежась там на декольте токе.
Ах зачем прибитый гвоздями труб поставил
Кто-то город, перевернув вот в этом стоке.

Значит снова, ставить в буфеты под'ездов
Еще не пробованное мясо любовниц
Цок копыт лошадиных — на плаце лом.
Только Вашего шарфа удав гонится
Потому-что Вы не поддавались как 31 нацело.

1920 г. Май. 7
Петроград.

2.

Интуитивисту, интродукцией XX-й век
спутнувшему. Другу моему с возраста
6-ти летняго Борису ЗЕМЕНКОВУ.

Лунный ляпис луны на городов бородавках
Девушкой дым труб прятался.
Как буфера пред остановкой терлись бедра в давке.
Дезинфектор разсудка, под боксером взгляда вашим смялся.

Сухарем в кипятке любовник размяк,
На педалях рук к губам не под'ехать.
А вечер неуклюжий, как мужицкий армяк,
Разставлял к вашей квартире фонарей вежи.

И силы не было глухо хрипеть
Плачем, паровозом отходящим.
Как мокрые флаги в глазах висли груди и заставляли петь.
Почему эта лучше, та чем.

Как параграф, от холода скорченные люди
Тоже хотели чьих-то вешалок плечь
И зналось пиротехнической мастерской головы моей будет
В взрывах горячки разорванной лечь.

XX-й век. Декабрь. 27

ЧОРТ ЗНАЕТ ЧТО ТАКОЕ!

Нине Г.

Смугло-ли осень взглянет тоскливо,
Ветром забившись по горлышкам труб.
Чье-то лицо оплетаю, как ива,
Призраком резко покрашенных губ.

Ты (может-быть не губы) — ты призрак
Бродящий в тяжелых, как спертый воздух, снах
А солнце дурачущаяся призма,
Раскладывает ультрамарин в ночах.

И снова в бездонных карманах сзади
Колышится жуть, и кладя на плечи
Боязнь чего-то, как листья в садик,
Душа изорвана как от заряда картечи.

Чувствовал себя как слопавший носки кит
Неважно закат-ли на корешке горизонта
Бессонница у глаз наворачивает тюки
И брови надвинула, как купол зонта.

Знаю, солдатских мало вше ног
В алтаре груди ужас с тоскою венчается.
У цирка радости видите повешено
Сознание. Догнивая качается.

Общему мне не мыслимо вторить
Наурская для меня всегда ту-степ:
Раз у старого кавалериста Бори,
Тоскливая бледность залила всю степь.

1919. г. Ноября 27.
ДИКАЯ ДИВИЗИЯ.

4.

С конверта неба сорвана солнца сургучная печать
Лошадью молнией проколотой
Дома почернели.
Как цифры к общему знаменателю
Людей собирать
Начали,
Благочинно, как Марк Аврелий.

Высекалась, молния,
Как у курящего из зажигалки искры,
Вниз, в мочевые каналы рек.
От неба волн хребет пег,
Подбрасывал к берегу писк рыб.

Усами мокрыми обвисли ветви кустов.
Застегивались комнаты
На окон пуговицы
И медленно на подобие глистов
Лучи фонарей, вылезали в улицы.

1920 г. Сентябрь. 27
Ростов н/Д.

5.

Я который откупоривал женщин, как официант напитки,
Насмешкой режа катки их глаз,
Как в ласках живот женщин с любовью надавливаю торцевые плитки
Глазами глядя как выпирающий беременной женщины таз.

Солнце на крышах лучи накладывает
Приказчиком предлагая покупателю шарфы.
Стук каблуков, что дороги новые глазам прокладывают,
Ушам интересней чем звуки арфы.

И только из женщин, как из колосьев,
Выбить зерна — выбить любовь
В шопоте старичков, ведь ей ось я,
Я все такой-же под словами дешевыми и сладенькими, как морковь.

На углу и рядом, под вывесок кокардами,
С мозгом высохшим, как в банке консервы.
В шинели голубой офицерского кадра
Сучит матом « » стерву.

В обществе любом не сподоблюсь фенолфталеину в щелочи.
Насмешки хоть прыгают женщиной под плеткой.
И взгляды хотя окружающей сволочи
Радостны как палец большой из лопнувшей подметки.

1920 г. Сентябрь. 30
Кисловодск.

6.

На висках у него вместо жилок — по лилии
Когда плакал — платок был в крови
Был последним в уже вымиравшей фамилии
Агасферов единой любви.

Вадим Шершеневич.

**Умнице, быстро понявшей имажинизм
Лоле Бороновской.**

Пробежит-ли по рельсам поломанным судорог,
Паровозом лишь выпущенным радости дым.
Раз печально в грядущую полосу дорог
Своим сердцем зарезанным только кадим.

Если сердце мое не кладете в корзинку
Моисеем царицу что-бы встретить плыло
Каждый вечер расплескивая фонарей рынки
На сознание движет Азраила крыло.

Потому-что в будущее наши души тропинки
Протертые тысячью грубых, не пожелавших нас понять подошв,
Мне иногда хочется детские, как в христоматиях картинки
Что бы ими прикрыть через-чур правдивую ложь.

Ах, если искренность засеют смехом
Можно-ли быть тогда не гаером.
«Ах какое мне дело, что какие-то вехи!»
И стихами своими махаю как веером. —

Стихи каплют кровью, стихам ведь больно,
Но разве кто-нибудь выстроил мины.
Знаю, когда пройдет времени через-чур довольно
Из них . . . На пальцах жизни вырастут рубины.

XX-й век. Марта. 7.
Перловка. Санатории.

Я спала в граммофонных трубах
На проводах сушила белье
Сколько тихих и грубых
Входило в мое жилье.

Сергей Третьяков.

Моим ажурным знакомым.

Если бабочки мешочников, ловятся сачками власти,
Если бабочки расплываются ртутью на плоскости,
Все-таки визы фурункулов
Кремнями зажигалок жернова зубов стерты от старости.
Врач любезно-официален, совсем как тосты.
Грудь всосалась в подреберную трясину
42-х сантиметровой мортирой
А переносица скоро провалится
Как взорванный понтонный мост.

Изобары памяти расползлись щенками
Брошенными матерью.
Голос вздергивался пулеметом с выкепевшей водой.
Сознание тело-гнилушки, обвязанное скатертью.
Шевелит отчаяния прибой.

Душа не созревшая запеклась
Рожью от засухи.
На теле трико тоски
— Обручем на бочке.
Спрятать сознание солнцем за тучи.
— Вас за то, — что в болоте дней
Побыть чьей-то кочкой.

1920 г. Апрель. I.
Аэростат 311-777 мет. кверху.

УТРОМ.

У походки ходят попуасы фонарей.
Вы из памяти отзвук желудка.
Ваше-ли лицо вырожал шриффт афиши: Король Брадобрей.
Вылощенное — окунем из судка.

Ручки лучей рассыпались в упрямости.
Вы на меня опрокинутая-с водой кадка.
Ваше платье и запах — пряности.
Задумался далеко, как Камчатка.

Звезды стащены, как ребенком изюм из пасхи.
Быстро, быстро шел, как гнев.
А память пеленала в Ваши ласки,
А так-же в камин в огне.

Резинки извозчиков деньги уже не стирали;
В проявителе разсвета проявились карточки домов.
А когда трамвайных проволок гусли заиграли
Я понял, что я вдов.

XX-й век. Января. 22.

От мамы на пять минут — Александр Краевский.

Очень хороший подарок, спасибо Боря.

Борис Земенков: ГУДОК АВТО.

**Урбанизм : Лондон
. Л-Д . . . скорее А. Кеворковой.**

На масляничных розвальнях зари, под'ехал запыхавшийся ужас
Москва подпоясавшаяся ремнем Садовой.
Слюнявились снеготаялки где
Прохожие в лужах катались в масле блином у дверей столовой

Стонала Москва флюсом Воробьевых гор
Смазывая людьми вафли переулков
« » вравший как провинциальный тенор
Отвернулся как «Э» идя домой гулко.

Сквер заплатка на колене улицы
Тер площади мятный пряник
Болталось облако, как хвост у лисы
Усталый к спрыцевке тумб я ник.

Уже кипели утренние самовары домов
Надоедливо стенными часами
Кто-то холодно как Норд.-Ост с Декабрем
здоровался не шляпой а глазами. —

Бульдог авто, огрызнулся и дрожал
На спешащие сеялки трамваев
А город пульвизаторами колоколен зовы сливал
Никаких сантиметров взглядов не зная.

И там, где консерватория семейное мыло.
Тянула студентов из под ногтей застав:
Улица ульями трамвайных будок мыла
До седьмых этажей своим шумом привстав. —

XX-ый век — февраля — 27

Стих. имажиниста

Вадим ШЕРШЕНЕВИЧ

Я МИНУС ВСЕ.

От окна бежала пихта
Чтоб молчать, чтоб молчать и молчать!
Я шепчу о постройках каких-то
Губами красней кирпича.

Из осоки ресниц добровольцы
Две слезы ползли и ползли.
Ах, оправьте их, девушки, в кольца.
Как последний подарок земли.

Сколько жить? Двадцать восемь иль сто?
Все нашел, сколько было ошибок?
Опадает листок за листом
Колендарь отрывных улыбок.

От папирос в мунштуке никотин.
От любви только слезы длинные.
Может, в мире я очень один,
Может, лучше, коль был бы один я!

Чаще мажу я иодом зари
Воспаленных глаз моих жерла.
В пересохшей чернильнице горла
Вялой мухой елозится крик.

Я кладу в гильотину окна
Никудышную, буйную голову.
Резаком упади, луна
Сотни лет безнадежно тяжелая!

Обо мне не будут трауры крепово виться,
Слезам жирных щек не намаслишь,
Среди мусора хроник и передовиц
Спотыкнешься глазами раз лишь.

Втиснет когти в бумагу газетный станок,
Из под когтей брызнет кровью юмор,

И цыплята петита в курятнике гранок:
—Вадим Шершеневич умер!

И вот уж нет меры, чтоб вымерить радиус
Твоих изумленных зрачков.
Только помнишь, как шел я, радуясь,
За табором ненужных годов.

Только страшно становится вчуже
Вот уж видишь сквозь дрогнувший молью туман,
Закачался оскаленный ужас
И высунут язык, как подкладкой карман.

Сотни их, кто теперь в тишине польют
За катафалком слезинками пыль.
Над моею житейскою небылью,
Воскреси еще страшную быль!

Диоген с фонарем человеку стонет, —
Сотни люстр зажег я и сжег их.
Все подделал ключи. Никого нет,
Кому было-б со мной по дороге.

Люди, люди! Распять кто хотел,
Кто пощады безудержно требовал.
Но никто не сумел повисеть на кресте
Со мной рядом, чтоб скучно мне не было.

Женщины! помните, как в бандероль
Вас завертывал в ласки я, широкоокий,
И крови красный алкоголь
Из жил выбрызгивался в строки, —

И плыли женщины по руслам строк
Баржами груженными доверху
А они вымеряли раскрытым циркулем ног:
— Сколько страсти в душе у любовника?

Выбрел в поле я, выбрел в поле,
С профелем точеного карандаша!
Гладил ветер, лаская и холя,
У затона усы камыша.

Лег и плачу. И стружками стон,
Отчего не умею попроще?!
Липли мокрые лохмотья ворон
К ельным ребрам худевшей роци.

На заводы! В стальной монастырь!
В разоренные бельма печи!
Но спокойно лопочут поршней глисты
На своем непонятном наречьи.

Над фабричной трубою пушок,
Льется нефть золотыми помоями.
По привычному им хорошо,
Ах, когда бы им всем да по моему!

О, Господь! пред тобой бы я стих.
Ты такой же усталый и скверный!
Коль себя не сумел ты спасти,
Так меня то спасешь ты наверно!

Все, что мог, рассказал я начерно,
На бело другим ты позволь,
Не смотри, что ругаюсь я матерно.
Может, в этом — сладчайшая боль.

Пусть другие молились спокойненько,
Но их вопль был камень и стынь.
А ругань моя — разбойника
Последний предсмертный аминь.

Но старик посмотрел безраздумней
И, как милостынь, вынес ответ:
— Не нужны, не нужны в раю мне
Праведники из оперет.

Так куда же, куда же еще мне бежать?
Об кого-ж я еще не ушибся?
Только небо громами не устанет ли ржать
Надо мной из разбитого гипса?!

Вижу, вижу: в простых и ржанных облаках
Васильки тонких молний синеют.

Кто-то череп несет мой в ветровых руках
Привязать его миру на шею.

Кто стреножит мне сердце в груди?
Створки губ кто свинтит навечно?
Сам себя я в издевку родил,
Сам себя и убью я, конечно!

Сердце скачет в последний по мерзлой душе,
Горизонт мыльный петли все уже.
С обручальным кольцом веревки вокруг шеи
Закачайся, оскаленный ужас!

1920 г.

Текст публикуется без изменений по изд.: Земенков Борис, Краевский Александр, Шершеневич Вадим. От мамы на пять минут. Редактор Борис Земенков. «Фаршированные манжеты». Холодно. XX-й век [М., 1920].

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.